Страх и фольклор в большом городе

Ольга Борисовна Христофорова [1], [2]

✉ okhrist@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5041-2335

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Марина Иннокентьевна Байдуж [1]

✉ marina.baiduzh@universitas.ru
ORCID: 0000-0001-8633-210X

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Христофорова, О. Б., Байдуж, М. И. (2020). Страх и фольклор в большом городе. *Фольклор и антропология города*, *III*(1–2), 9–12. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-9-12.

Fear, folklore and the City

Olga B. Khristoforova [1], [2]

✉ okhrist@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5041-2335

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Marina I. Baiduzh [1]

✉ marina.baiduzh@universitas.ru
ORCID: 0000-0001-8633-210X

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Khristoforova, O., Baiduzh, M. (2020). Fear, folklore and the City.
Urban Folklore & Anthropology, *III*(1–2), 9–12. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-9-12. (In Russian).

Primus in orbe deos fecit timor («Первым в мире богов создал страх»), — написал в I веке н. э. Публий Папилий Стаций. Так же думали до него древнегреческие мыслители, а после — исследователи, в XIX и XX веках работавшие в рамках эволюционистской парадигмы. Структурно-функциональный подход в антропологии также придавал большое значение человеческим эмоциям в организации общественной жизни. Миф санкционирует космический и социальный порядок, ритуал уменьшает тревогу и беспокойство, — полагал Малиновский; ритуал акцентирует социально одобряемые чувства и сдерживает негативные, тем самым поддерживая общественный порядок, — писал Рэдклифф-Браун.

Мифо-ритуальные системы теснейшим образом связаны с эмоциями людей, их полной гаммой. Радость, блаженство, умиротворение, гнев, отчаяние, горе, вина, тревога, страх — все эти чувства легко обнаружить в фольклорных текстах и обрядовых практиках. Страх и близкие к нему

состояния (ужас, тревога, опасение, паника) — пожалуй, наиболее яркие эмоции, встречаемые исследователями этой сферы культуры. Эсхатологические мифы, былички о нечистой силе и предания о привидениях, легенды о маньяках и детские страшные истории — эти и другие фольклорные тексты «накручивают» повествовательные мотивы на стержень страха; затягивают притягательной жутью, позволяя рассказчикам и слушателям пережить страшное и тем самым преодолеть его; мобилизуют людей и сообщества, заставляя их находить и уничтожать источники паники.

Классики антропологии, как известно, имели дело с обществами доиндустриальными и с фольклором традиционным. Но что происходит с эмоциями, в частности, со страхом в современном обществе? Те же ли самые испуг, тревогу, беспокойство испытывает горожанин, что и сельский житель? Что произошло с источниками страха — они такие же или уже другие? Изменились ли фольклорные стратегии взаимодействия с тем, что вызывает ужас и панику? Какие новые подходы к этим проблемам могут предложить современные исследователи? 2020 год, как кажется, сделал тему общих фобий и коллективных копинг-стратегий особенно актуальной. Разумеется, страх заражения и мифоритуальные способы борьбы с эпидемиями возникли не вчера, однако пандемия коронавируса принесла нам много новых сюжетов и потому привлекла повышенное внимание исследователей из разных дисциплин к теме «фобии и фольклор».

Впрочем, работу над этим выпуском мы начали еще до пандемии. Когнитивные и социальные механизмы страха в их связи с фольклором и постфольклором стали темой международной конференции, организованной исследовательской группой «Мониторинг актуального фольклора» при Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС 12–14 сентября 2019 года. Конференция была межсциплинарной — ее организаторы сочли плодотворным объединить оптики фольклористики и антропологии, социологии, психологии и психиатрии при изучении того, как соотносятся индивидуальные страхи и устойчивые коллективные фобии. Первые нередко сопровождают личностные расстройства и психические патологии разной степени тяжести, а потому занимаются ими обычно психологи, психотерапевты и психиатры. Вторые, так называемые «массовые истерии» и «моральные паники», связаны с устойчивыми представлениями и социальными потрясениями, формируются по «фольклорным» механизмам, находят выражение в клишированных текстах и коллективных действиях и обычно проходят «по ведомству» социологов, антропологов и фольклористов. Подробнее об этой конференции читайте в обзоре Марии Гавриловой.

В настоящем выпуске мы решили на новой методологической — междисциплинарной — основе поговорить о том, как связаны между собой фобии и фольклор в современном городе. Отталкиваясь от дискуссии на упомянутой конференции, мы выбрали наиболее частые страхи и дестабилизирующие ситуации, которые осмысляются и «проживаются» в фольклорных текстах. Так, познакомившись в переводе классической работы Джорджа Фостера с концепцией «ограниченного блага», существующей в крестьянских сообществах, в последующих текстах наш читатель попадает в измерение основных страхов урбанистического общества и способов взаимодействия с ними: боязнь «чужого», власти и надзора, природных катаклизмов и антропогенных катастроф; борьба со страхом и преодоление фобий, возникающих в определенные периоды жизни. И, конечно, мы не

смогли обойти тему эпидемий и страха заражения, столь актуальную в 2020 году. Авторы номера пишут о семиотических стратегиях конструирования страшного, о вербализации испуга и соматизации тревоги, о моральной панике как форме взаимодействия общества с пугающими элементами действительности, о путях преодоления фобий и о многом другом, что наверняка будет интересным нашим читателям.

Александра Архипова и Анна Кирзюк в статье «Страх разоблачения: городские легенды о французском коварстве и советском стыде» детально анализируют советскую городскую легенду второй половины XX века о французском актере, потрясенном во время визита в СССР советским женским бельем. По мнению авторов, эта легенда содержит в себе ряд «скрытых посланий», в том числе и о фобиях советских граждан перед «заграницей». Елена Коровина, проводившая исследование в общинах анастасиевцев в 2018 году, рассказывает об их страхе перед современными технологиями в статье «Технофобия и представления о городе жителей экопоселений Тульской области». Текст Ильи Сульжицкого «Моральная паника по поводу синтетических наркотиков в Республике Беларусь» реконструирует основные этапы моральной паники по поводу синтетических наркотиков. Методами структурной герменевтики автор исследует содержание различных дискурсивных практик, описывающих проблему потребления наркотиков в белорусских медиа в 2008–2019 годы. Ирина Козлова и Сергей Белянин в статье «Свидание с полковником: сотрудник центра "Э" глазами участников уличных акций» анализируют, как участники митингов и пикетов опознают на улицах города сотрудников Центра по противодействию экстремизму МВД, как конструируется их образ, какова прагматика связанных с этими персонажами нарративов и практик. В статье Германа Устьянцева «"Там девушки тонут, говорят, что там водяной черт их утаскивает": страх в фольклорных нарративах о воде» говорится о восприятии водного пространства в современном марийском фольклоре и о механизмах формирования страха перед водой в современных нарративах. Эту тему продолжает Дарья Радченко: в статье «Антропология наводнения: слухи и страхи в Тулуне» она методами цифровой этнографии изучает панику вокруг наводнения в Иркутской области в 2019 году и выделяет объяснительные модели, которые стоят за всеми конкурирующими представлениями о причинах тулунского наводнения.

Коллективные и индивидуальные копинг-стратегии анализируется в статьях раздела о преодолении фобий. Эста Матвеева анализирует механизмы борьбы со страшным в рамках современного детского фольклора («"Кто в вигваме живет, кто в иллюзорном живет": современный детский фольклор и механизмы борьбы со страшным»). Татьяна Кукса размышляет о том, как создаются и преодолеваются тревожные состояния у беременных женщин («"Страшилки" для рожениц: конструирование и преодоление страха в родах»).

Раздел «Мониторинг актуального фольклора» предлагает анализ текстов, возникавших в течение 2020 года (и продолжающих возникать) в связи с пандемией COVID-19 в нашей стране и за ее пределами. Александра Архипова задает рамку исследования подобных материалов в статье «Чем (не)опасны фейки: как и зачем исследуют фейковые сообщения и слухи во время пандемии». Аглая Старостина («Летучая мышь как мировое зло») дает подборку материалов, связанных с распространением слуха о блюде из летучей мыши как причине пандемии, и комментарии к ним. Сергей Белянин анализирует подъем и спад волны слухов о «зараженных бананах» в

материале «Бойтесь бананов, болезнь приносящих: легенды о зараженных фруктах». Мария Гаврилова рассматривает неформальные способы профилактики, диагностики и лечения коронавируса в статье «Водка, сода и чеснок: "народные" лекарства против страхов». Моральную панику в отношении трудовых мигрантов в российской столице исследует Борис Пейгин в статье «Панические нарративы об "опасных мигрантах": возникновение и бытование в условиях эпидемии COVID-19 в России». Завершает эту подборку текст Дарьи Радченко о фольклоре времен эпидемии свиного гриппа 2009 года «"Нам не страшен грипп свинячий, потому что мы синячим": шутки об эпидемии как симптом общественной напряженности».

Полевые материалы подкрепляют блок исследовательских статей и дополняют темы боязни власти, надзора, заражения, а также адаптации страхов в детском фольклоре. Наталья Комелина пишет о коллективной памяти, связанной со сталинскими репрессиями, в поморских деревнях; страх до сих пор занимает важное место в этой памяти. Дарья Бокадорова рассматривает страхи и подозрительность современных россиян по отношению к онкологическим больным. Татьяна Савельева анализирует бытование и прагматику современных детских страшных историй.

В формате интервью мы предлагаем познакомиться с тем, как дискурс о сверхъестественном создает дополнительный слой на ментальной карте города (интервью американского фольклориста Иэна Броди с историком, исследователем магического мышления в городах Карлом Беллом) и как фольклорные рассказы о страшном становятся базой для литературного текста (беседа Ольги Христофоровой с российской поэтессой и писательницей Марией Галиной).

Завершают выпуск две рецензии: Эда Калмре рассматривает книгу Андреа Китта «Поцелуй смерти. Заражение, загрязнение и фольклор» (Logan: Utah State University Press, 2019); Наталья Петрова предлагает обзор монографии А. С. Архиповой и А. А. Кирзюк «Опасные советские вещи: Городские легенды и страхи в СССР» (М.: Новое литературное обозрение, 2020).

Мы надеемся, что внимательный читатель совершит увлекательное путешествие от крестьянского общества к миру большого города, которые одинаково наполнены страхами и их фольклорным осмыслением; страхами, облаченными в самые разные вербальные формы (от слухов и панических нарративов до анекдотов и мемов) и повседневные практики, которые в том числе можно увидеть на фотографиях Вадима Лурье в сквозном разделе «Детали города».